

ВОСТОК И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. МОЭМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ*

Аннотация. Статья посвящена изучению слов-реалий, используемых С. Моэмом в произведениях, связанных со странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (Китай, Малайя, острова Южных морей и др.) и проблемам их передачи на русский язык. Анализируются основные приёмы, используемые с этой целью переводчиками (транскрипция и транслитерация, пояснение, гипонимический перевод, опущение реалии и др.), и их целесообразность в тех или иных конкретных случаях.

Ключевые слова: экзотическая лексика, реалии, восточный дух, практическая транскрипция, достаточно осознанный вариант, опущение реалии, трансформирование реалии.

Говоря об отношении европейской цивилизации к тому, что традиционно и весьма неточно именуют «Востоком», часто обращают внимание на то обстоятельство, что, начиная с давнего времени, здесь наблюдались две, с одной стороны антагонистические, а с другой – взаимодополняющие тенденции, которые можно определить как отторжение и притяжение.

Действительно, если вспомнить такие события мировой истории, как крестовые походы, борьба против «турецкой угрозы», колониальные захваты в Африке и Азии, достаточно популярные в определённых кругах на рубеже XIX-XX столетий призывы бороться с «жёлтой опасностью», получившие распространение даже в серьёзных академических кругах попытки «научно» - включая ссылки на дарвиновскую теорию – доказать превосходство белой расы (либо отдельных её представителей) над всеми прочими и т.п., - то картина представляется довольно мрачной. Впрочем, Восток в этом отношении тоже часто не оставался в долгу – враждебность к «неверным» и «белым дьяволам» была ничуть не меньшей.

А с другой стороны – «таинственный Восток» притягивал людей с Запада также на протяжении практически всей истории взаимоотношений с ним. Средневековые сказания о его чудесах постепенно сменяются стремлением более глубокого осмысления и постижения последнего. К концу XVIII – началу XIX веков

можно говорить о своего рода «восточном буме» в европейской культуре, в результате которого «восточный стиль, выражающий восточное мировоззрение, «душу Востока», по многим причинам стал играть чрезвычайно важную роль. Открывается для Европы поэзия Ирана, Коран становится модной книгой...» [Гуковский 1965, 237]. Добавим к этому расшифровку египетских иероглифов, археологические открытия в Двуречье, знакомство и углублённое изучение санскрита, положившее начало сравнительно-историческому языкознанию... Правда, преклонение перед классическими культурами Востока вполне могло сопровождаться презрительным отношением к современным представителям восточных народов – но подобного рода парадоксы в истории культуры не столь уж редки...

Пожалуй, в наибольшей степени указанные моменты отразились именно в английской литературе второй половины XIX-первой половины XX столетия. Именно в этот период принимает свои максимальные очертания та самая Британская империя, над которой, по известному выражению, «никогда не заходит солнце». И именно в творчестве английских писателей «восточная тематика» со всеми отмеченными выше моментами должна была занять ведущую роль.

Естественно, в первую очередь в связи с данной темой всплывает имя Редьярда Киплинга – «певца Британской Индии». «Моэма с ним связывала и литературная преемственность, и личные отношения. Как старший по возрасту и литературному рангу Киплинг патронировал Моэму. Он же подсказал ему колониальную тему. Прямо по его совету отправился Моэм в одну из своих поездок на Восток» [Урнов 1981, 5].

Однако, если Восток Киплинга – это, в первую очередь, конечно, сама Индия и сопредельные с нею территории, входившие в «сферу интересов» Британской империи, то сценой, где развёртываются сюжеты многих произведений С. Моэма, становятся уже, по преимуществу, Дальний Восток и зона Южных Морей – островов Океании. И хотя английские персонажи зачастую принадлежат к тому же кругу, который отражён в романах, повестях и рассказах Киплинга, однако жизнь и реалии местного населения будут уже другими.

* © Пугина Е.Ю.

В этой связи можно обратить внимание на одно, на наш взгляд, достаточно существенное обстоятельство. Если понятие «англо-индийский» достаточно прочно вошло в употребление ещё в XIX столетии, обозначая британцев, постоянно проживающих в Индии (зачастую и родившихся там), занимавших, как правило, различные должности в колониальной администрации и образовывавших своего рода микромир, отличавший их как особую группу от соотечественников на родине, то с теми территориями, о которых упоминалось выше, дело обстояло несколько по-иному. Хотя Гонконг или Малайя также находились под британским управлением, насколько нам известно, понятия «англо-китайский» или «англо-малайский» в указанном значении распространения не получили, хотя многие моменты, характерные для отношения представлявших метрополию колонизаторов к «туземцам», были достаточно схожими. Соответственно, можно говорить и о некотором различии в положении английского языка с социолингвистической точки зрения. С одной стороны, и здесь отмечается, что в ряде моментов «воздействие друг на друга английского и автохтонных языков оказывается обоюдным» [Прошина 2001, 176]. С другой стороны, если, по замечанию С.М. Мезенина, «английский в Индии развился в достаточно осознанный вариант» (*well perceived variant*) [Mezenin 1997, 102], то применительно к интересующему нас в данной статье региону говорить о «национально-территориальном варианте» английского как *первого* (родного) языка у его, так сказать, «исконных» носителей вряд ли возможно. Таким образом, говоря о словарных единицах из местных языков, которые встречаются в произведениях английских авторов, их квалифицируют прежде всего именно как разновидность экзотической лексики, «внешней» по отношению к собственно английскому. В большинстве случаев они, используя выражение С.М. Мезенина, «сохраняют свой экзотический аромат (*exotic flavour*), свой восточный дух (*oriental spirit*)» [Mezenin 1997, 140]. Впрочем, и здесь возможны случаи, когда та или иная лексема может получить достаточно широкое распространение, утрачивая свой узколокальный характер: малайско-индонезийское по происхождению слово «гонг» само по себе – вне соответствующего контекста – не обязательно связывается в сознании читателя (и не только английского, но, пожалуй, и русского) с чем-то сугубо экзотическим.

Указанные моменты, на наш взгляд, целесообразно принимать во внимание и когда речь идёт о творчестве С. Моэма, в чьей писательской

биографии названный регион сыграл довольно видную роль. Как известно, первую поездку на Дальний Восток он совершил ещё во время Первой мировой войны. Причём функции, которые выполнял в этот период человек, формально служивший в санитарном батальоне, на островах Океании, были, по мнению ряда биографов, достаточно специфическими, что, кстати говоря, требовало достаточно пристального внимания к местной действительности. Бывал Моэм в тех краях и позднее – в двадцатые годы, создав ряд произведений, героями которых являются его соотечественники, оказавшиеся по разным причинам вдали от Британии и в той или иной степени соприкасавшиеся с жизнью и бытом местного населения. Указанный момент, естественно, требовал и введения в ткань повествования слов-реалий, отражающих присущую последним специфику.

Естественно, данный пласт лексики должен был найти отражение и в русских переводах, причём с учётом того обстоятельства, что у русскоязычного читателя в подавляющем большинстве случаев отсутствовали даже те фоновые знания, которые С. Моэм предполагал у британской аудитории. В связи с этим как с теоретической, так и с практической точки зрения представляется не лишённым интереса исследование тех способов межъязыковой передачи реалий, которые использовали представители русские переводчики. Отметим, что здесь целесообразнее говорить именно о *передаче*, а не о *переводе* в собственном смысле слова, поскольку, по известному замечанию С. Влахова и С. Флорина, «понятие «перевод реалий» дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и, опять-таки как правило, она передаётся (в контексте) обычно не путём перевода» [Влахов, Флорин 1986, 88-89].

В качестве иллюстративного материала нами были использованы роман «The Painted Veil» и рассказы из сборника «Rain» (с комментариями Е. Тигонен) и их русские переводы. Переводы романа (в русских версиях – «Разрисованный занавес» и «Узорный покров» соответственно) были осуществлены М. Лорие и И. Красовской. Переводы рассказов из сборника «Rain» сделаны следующими авторами: «The Three Fat Women of Antibes» – «Три толстухи на Антибах» – А. Николаевская; «The Lotus Eater» – «Вкусивший нирваны», «Rain» – «Дождь» – И. Гурова; «The Lion's Skin» – «В львиной шкуре» – Д. Вознякевич; «A Man with a Conscience» – «Человек, у которого была совесть» – О. Холмская; «The Outstation» – «На окраине империи», «Jane» – «Джейн» – Н.

Галь; «The Fall of Edward Barnard» - «Падение Эдварда Барнарда» - Р. Облонская; «The Verger» - «Церковный служитель» - Н. Лосева; «Red» - «Рыжий» - Е. Бучацкая.

В результате исследования были выявлены 178 примеров слов-реалий на английском языке, относящиеся к различным категориям, среди которых можно обнаружить достаточно большое разнообразие. В частности, среди них мы находим названия экзотических растений (cassia, atta, pandanus), представителей животного мира (mynah bird), лексические единицы, связанные с бытом (kava, tara, baju, cris), средства сухопутного и водного транспорта (rickschaw, junk, prahu), специфические профессии, главным образом, связанные с обслуживанием европейцев (amah, coolie), религиозные понятия (Тао), этнонимы (Manchurs, Savmoans)... Не имея возможности в рамках данной статьи подробно проанализировать все обнаруженные нами лексические единицы, ограничимся рассмотрением некоторых, на наш взгляд, наиболее показательных случаев их репрезентации в русском тексте.

Наиболее частотным приёмом введения реалии в текст перевода можно считать приём *транскрипции* (точнее, *переводческой* или - по терминологии А.А. Реформатского – *практической транскрипции* [Реформатский 1996, 381]. Причём, в тех случаях, когда степень «экзотичности» соответствующей единицы для английского и русского читателя примерно одинакова (т.е. речь идёт о предмете, хотя и специфичном для соответствующей культуры, но в целом понятном и тому и другому), переводчики, как и автор, ограничиваются её воспроизведением без каких-либо дополнительных пояснений. Примером могут служить следующие фрагменты из романа «The Painted Veil»:

Kitty's chair headed the procession and Walter followed her; then in a straggling line came the **coolies** that bore their bedding, stores, and equipment.

Возглавлял шествие паланкин Кити, за ней следовал Уолтер; последними шли **кули**, сгибааясь под тяжестью постелей, съестных припасов и прочей клади (перевод Лорие М.).

Носилки Кити были первыми, за ней следовал Уолтер, затем беспорядочной группой шли **кули**, которые несли их вещи, постельные принадлежности и съестное (перевод Красовской И.).

With a faint gasp of impatience she gave him a shoe horn. She slipped into **kimono** and her bare feet went over to her dressing-table.

С коротким раздраженным вздохом она протянула ему рожок, а сама накинула **кимоно** и босиком прошла к туалетному столику (перевод

Лорие М.).

Со слабым вздохом нетерпения она протянула ему рожок для обуви. Потом, одев **кимоно**, босиком прошла к туалетному столику (перевод Красовской И.).

На наш взгляд, в данном случае предложенное решение можно признать вполне оправданным, поскольку в период, когда указанные переводы выполнялись, обе реалии были достаточно известны отечественному читателю (хотя относительно слова **coolie** в настоящее время, возможно, дело, возможно, обстоит несколько по-другому). Заметим, кстати, что в первом отрывке наблюдается и некоторое различие в переводческой стратегии, проявившееся в передаче слова chair: И. Красовская предпочла – следуя за английским оригиналом – достаточно нейтральную лексему *носилки*, тогда как в версии М. Лорие мы наблюдаем явление, которое можно было бы назвать «усилением экзотичности» - слово *паланкин*, пришедшее через португальское посредство из санскрита, имеет ярко выраженную «восточную» окраску, которая в данном случае у самого автора отсутствует.

Вместе с тем достаточно часты и случаи, когда единица, вводимая С. Моэмом без каких-либо пояснений (в очевидном расчёте на «колониальную осведомлённость» той аудитории, которой были адресованы его произведения), для подавляющего большинства русских читателей оказывается практически полностью непонятной. Здесь в русском тексте может использоваться приём подачи соответствующей реалии, который можно назвать «комбинированным»: воспроизведение реалии при помощи транскрипции сопровождается комментарием или пояснением:

When the Resident, Mr. Warburton, was told that the prahu was in sight he put on his solar topee and went down to the landing-stage.

Когда мистеру Уорбертону, резиденту, доложили, что **прау (малайская лодка)** уже видна, он надел тропический шлем и спустился к реке (пер. Н. Галь).

Особого внимания, естественно, заслуживают случаи трансформирования или опущения реалии – как по субъективным (и поэтому вряд ли целесообразным), так и по объективным (хотя, возможно, также не бесспорным) причинам.

Для иллюстрации первого («субъективного») подхода, на наш взгляд, можно сопоставить передачу следующего отрывка М. Лорие и И. Красовской:

She got out of her **rickshaw** in the **Victoria Road** and walked up the steep, narrow lane till she came to the shop.

Она отпустила **рикшу** на **Виктория-роуд** и по узкой крутой улочке поднялась к лавке (перевод Лорие М.).

Она пустилась в свое рискованное путешествие на **Виктория роуд**, и шла по крутому узкому переулку, пока не достигла лавки (перевод Красовской И.).

В данном случае переводчик по непонятным причинам опустил перевод реалии *рикша*. Такого рода элиминация выглядит особенно странно, если вспомнить приведённый выше пример с лексемой **coolie**, которую та же переводчица сохранила, хотя обе единицы по степени их известности русской читательской аудитории, на наш взгляд, являются приблизительно одинаковыми (пожалуй, *рикша* сейчас является даже более знакомым словом).

Опущение реалии наблюдается и в следующем случае:

There was a crowd of eager, noisy, and good-humoured natives come from all parts of the island, some from curiosity, others to barter with the travellers on their way to Sidney; and they brought pineapples and huge bunches of bananas, **tapa clothes**, necklaces of shells or shark's teeth, kava-bowls, and models of war canoes.

По пристани оживленно сновали веселые добродушные туземцы, собравшиеся со всего острова, кто - поглазеть, а кто - продать что-нибудь пассажирам, направляющимся дальше, в Сидней; они принесли ананасы, огромные связки бананов, циновки, ожерелья из раковин или зубов акулы, чаши для кавы и модели военных пирога.

tapa cloth - одежда, сделанная островитянами из волокна тутового дерева, разумеется, является весьма колоритной реалией и в какой-то степени её отсутствие в русском переводе, если можно так выразиться, обесцвечивает последний. Однако, с другой стороны, нельзя отрицать, что у переводчика имелись определённые основания для такого решения: если *рикша* и *кули* могут рассматриваться как способные вызвать определённые ассоциации у русского читателя, то *tapa* – лексема, абсолютно неизвестная никому за исключением специалистов по соответствующей культуре.

В связи со сказанным остановимся ещё на двух примерах:

Over there in bungalow, two hundred yards away, Cooper was eating a filthy meal clad only in a **sarong** and a **baju**.

А там, в бунгало, в двухстах ярдах от него, поедает свой жалкий обед Купер, и на нем только и надето что **саронг** да *рубаша*.

Two Malay boys in **sarong** and **songkoks**,

with smart white coats and brass buttons, came in, one bearing gin pahits, and the other a tray on which were olive and anchovies.

Вошли два боя-малайца в саронгах и шеголеватых белых куртках с медными пуговицами; один нес коктейли, другой - поднос с маслинами и анчоусами.

В обоих случаях перед нами слова-реалии, принадлежащие к одной и той же группе (предметы одежды): **sarong** - мужская и женская одежда народов Юго-Восточной Азии: полоса ткани, обертываемая вокруг бедер или груди и доходящая до щиколоток; **songko** - шляпа, обычно из черного бархата, необходимый атрибут одежды малазийцев во время официальных мероприятий; **baju** – малайская рубаша до середины бедра с широкими рукавами, высоким горлом и коротким разрезом спереди. Однако, как можно увидеть, подход к их передаче принципиально различен: если *sarong* воспроизведён в русском тексте посредством транскрипции/транслитерации (в данном случае провести различие между этими способами не представляется возможным ввиду их совпадения) сопровождающегося соответствующим пояснением («национальная мужская и женская одежда малайцев, вид юбки»), то репрезентация слова *baju* (*рубаша*) явно представляет собой «так называемый гипонимический (от английского слова “hiponymy”, составленного из греческих корней) или обобщённо-приблизительный перевод, при котором слово ИЯ, обозначающее видовое понятие, передаётся словом ПЯ, называющим понятие родовое» [Фёдоров 1983, 151], в то время как реалия *songko* вообще опущена. Возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что слово саронг по своему фонетическому/графическому облику с грамматической точки зрения вполне соотносится с русскими существительными на твёрдый согласный (в частности, склоняется по указанной модели), в то время как две остальные лексемы имеют ярко выраженный чужезычный облик.

Любопытный случай использования собственно английской реалии при описании экзотической действительности наблюдается в следующем примере:

The women have all taken to the **Mother Hubbard**, and the men wear trousers and singlets.

Как известно, **Mother Hubbard** – это широкое свободное женское платье, названное по имени героини английских детских стишков, однако использовано данное наименование Моэмом применительно к наряду малайских женщин – очевидно, чтобы читатель мог лучше представить облик людей, о которых идёт речь. Однако,

поскольку для русской аудитории указанная реальность абсолютно неизвестна, и к тому же в данном случае выглядит явно чужеродно, то в переводе она заменена на более нейтральную лексическую единицу, лишённую ярко выраженной национально-культурной специфики:

Все женщины носят длинные балахоны, а мужчины – штаны и рубашки.

Таким образом, анализ русских переводов произведений С. Моэма, связанных с Дальним Востоком и Юго-Восточной Азией показывает достаточно большое разнообразие средств, применяемых переводчиками для передачи отражённых в них реалий и представляет большой интерес как для теории, так и для практики художественного перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986. – 416 с.
2. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. - М.: Художественная литература, 1965. – 355 с.
3. Моэм Сомерсет. Узорный покров. - М.: АСТ, 2007. - 540 с.
4. Моэм Сомерсет. Разрисованный занавес. - М.: Метеджер, 2000. - 304 с.
5. Моэм Сомерсет. Шесть рассказов, написанных от первого лица. - М.: Захаров, 2001. - 214 с.
6. Моэм Сомерсет. По тому же рецепту. - М.: Захаров, 2003. - 199 с.
7. Моэм Сомерсет. Трепет листа. - М.: Захаров, 2003. - 202 с.
8. Прошина З.Г. Английский язык и культура наро-

дов Восточной Азии. – Владивосток: издательство Дальневосточного университета, 2001. – 476 с.

9. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
10. Урнов Д.М. Судьба обычного работника империи. // Моэм У.С. Разрисованный занавес. Книга для чтения на англ. яз. – М.: Международные отношения, 1981. – С. 3-10.
11. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
12. Maugham Somerset W.. The Painted Veil. - Киев: Знання, 2006. - 287 с.
13. Maugham Somerset W. Rain. - СПб.: КАРО, 2007. - 448 с.
14. Mezenin S.M. Life of Language (A History of English). – Moscow: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 1997. – 150 p.

E. Pugina

THE EAST AND EASTERN REALITIES IN W.S.MAUGHAM'S WORKS AND THEIR REFLECTION IN RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract. The article is devoted to the study of words-realities used by W.S. Maugham in novels connected with Eastern and South Eastern Asia (China, Malaya, islands of the Southern Seas, etc.) and the problems of their translation into Russian. The main methods (transcription, transliteration, explanation, omission of realities, etc.) used by translators are analyzed and their necessity in concrete cases.

Key words: exotic words, realities, exotic spirit, practical transcription, well perceived variant, omission of the reality, transformation of the reality.

УДК 81'366.58: [811.161.1+811.133.1]

Сенченкова М.В.

КАТЕГОРИЯ ВИДА В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ*

Аннотация. В современном языкознании вид как грамматическая глагольная категория признается как во французском, так и в русском языке. Тем не менее существует ряд спорных вопросов, касающихся значения и средств выражения вида и требующих более углубленного изучения. В результате анализа фактического материала и теоретических работ отечественных и зарубежных грамматистов в статье выявляются некоторые особенности категории вида в сравниваемых языках.

Ключевые слова: сравнительное языко-

знание, грамматика, русский язык, французский язык, категория вида.

Сравнение (сопоставление) родного и иностранного языков особенно необходимо тогда, когда эти языки представляют различные структурные типы. Таковы языки русский и французский. Не всякое сравнение позволяет установить различия в структуре русского и французского языков. Сравнение, для того чтобы быть результативным, должно быть системным, т. е. рассматривать каждое грамматическое явление как элемент определенной системы. В этом случае уравниваются категории, а не отдельные формы

* © Сенченкова М.В.